

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
НАМАНГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

“Рекомендую в ГАК”
декан факультета филологии
_____ С. Мисиров
“ ___ ” _____ 2015 года

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ
РАБОТА**

**НА ТЕМУ: «ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
С.ЕСЕНИНА»**

Выполнила: выпускница
образовательного направления 5111300-
Родной язык и литература (русский язык
и литература в иноязычных группах),
студентка 4 курса Вохобова Р.Н.

Руководитель:
к.п.н., доц. Абдурахманов А.А.

Эксперт: к.п.н., доц. Габдулхаков Ф.А.

Выпускная квалификационная работа прошла предварительную защиту на кафедре. Протокол заседания кафедры № 9 от «29» апреля 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4-8
ГЛАВА 1. Диалектная лексика	9-20
1.1. Диалектизмы и их виды	9-11
1.2. Использование диалектизмов в живой русской речи	11-13
1.3. Использование диалектизмов в произведениях художественной литературы.....	13-18
Выводы по первой главе	18-20
ГЛАВА 2 Лексический строй поэзии С.Есенина.....	21-36
2.1. Поэтическое наследие С. Есенина	21-24
2.2. Особенности поэтики С.Есенина.....	25-29
2.3. Лексическое многообразие поэзии С. Есенина.....	29-34
Выводы по первой главе.....	35-36
ГЛАВА 3. Диалектизмы в поэтическом дискурсе С. Есенина.....	37-56
3.1. Место диалектной лексики в поэзии С. Есенина.....	37-40
3.2. «Темные места» в лирике С. Есенина	40-48
3.3. Диалектные формы в синонимических и антонимических построениях у С. Есенина.....	49-52
3.4. Метрическая функция диалектизмов в поэзии С. Есенина	52-55
Выводы по второй главе.....	55-56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	57-62
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	63-65

ВВЕДЕНИЕ

В основной части книги Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова "Узбекистан на пороге достижения независимости" собраны речи, доклады, статьи, интервью, указы главы нашего государства, подписанные им законы, начиная с 24 июня 1989 года и по 4 января 1992 года, т.е. в период с первого дня его деятельности в качестве руководителя республики до избрания на всенародных выборах Президентом независимого Узбекистана и вступления в эту должность. Книга значительна тем, что всесторонне осветила на основе конкретных исторических документов ранее подробно не раскрытые периоды истории независимости. Практически эта книга не оставляет никаких шансов для различного рода вымыслов и ложных интерпретаций, попыток заполнить существовавший вакуум в корыстных целях, выполнения в данном вопросе чьих-либо планов и заказов, искаженного толкования пережитых нами исторических событий.

Подлинное значение книги в том, что в ней автор раскрывает перед читателями страницы суровых испытаний и события нашей новейшей истории, опираясь на правду и еще раз на правду. Книга свидетельствует о пронизательности, стратегическом мышлении, безграничной любви и преданности Президента своему народу и стране. Этот труд, обогативший политическую мысль нашего народа, призывает всех нас в нынешнее очень беспокойное и тревожное время быть бдительными и внимательными, учит глубокому осмыслению новой истории нашей Родины, извлечению из этого необходимых уроков и выводов, обязывает быть достойными славы своих великих предков, героической истории нашей страны и укреплять ее мощь и потенциал, авторитет на мировой арене.

В своем труде «Высокая духовность – непобедимая сила» Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов уделяет большое внимание вопросам возрождения национальных духовных ценностей и приобщения народа

Узбекистана к мировой культуре и общечеловеческим ценностям: «Процветание независимого Узбекистана и признание его мировым сообществом, широкая внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность нашего государства стали дополнительным стимулом к возрождению духовных ценностей и потенциала узбекского народа, осознанию себя в качестве равноправной нации в семье других народов. <...> Широкие международные контакты создали благоприятную почву не только для более глубокого познания мировой культуры, приобщения к общечеловеческим ценностям, но и позволили развиваться таланту узбекского народа в различных сферах деятельности, дали возможность в полной мере проявить такие его исключительные качества, как предприимчивость и коммуникабельность, быстрое овладение несколькими иностранными языками» [Каримов, 2008].

Необходимость изучения иностранных языков как одного из направлений развития духовности общества неоднократно подчеркивалась и в более ранних трудах Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова: «Еще одна наша важнейшая задача – содействовать развитию языка, культуры, обычаев и традиций всех проживающих в Узбекистане наций и народностей, дальнейшему расширению в этой сфере возможностей и условий...» [Каримов, 1997, с. 65]. Не меньшая роль отводится зарубежной филологии и в деле воспитания молодежи: «В настоящее время у нас в стране придается большое значение изучению и преподаванию иностранных языков. И это, конечно, неспроста. Сегодня для нашей страны, стремящейся занять достойное место в мировом сообществе, трудно переоценить значение совершенного знания иностранных языков нашими людьми, ведь народ наш видит свое будущее в согласии, сотрудничестве с иностранными партнерами» [Каримов, 1998, с. 321-322]. В процессе изучения русского языка и литературы все большее значение приобретает развитие новых подходов к изучению идиолектов поэтов и писателей

Актуальность темы исследования

Лексика современного русского языка с точки зрения сферы своего употребления распадается на две большие группы. Одну образуют общенародные слова – общеизвестные и употребляемые всеми говорящими на русском языке, другую – слова, ограниченные в своем бытовании определенным говорящим коллективом, определенной диалектной или социальной средой.

Любой человек, для которого русский язык является родным, знает, что означают слова деньги, есть, клюква, луг, трактор, но далеко не каждый знаком с такими словами, как финаги (деньги), берлять (есть, питаться), пожанька (луг), журавлиха (клюква).

Эти слова не являются общеупотребляемыми, их используют отдельные группы людей. Это диалектная лексика. Под диалектной лексикой подразумеваются такие слова, которые не входят в общенародную лексическую систему, а принадлежат одному или нескольким диалектам русского общенационального языка. Диалектная лексика является лексикой внелитературной, лексикой устной разговорно-бытовой речи какой-либо части русского народа, объединенной территориальной общностью. Слова диалектного характера называют диалектизмами. Диалектика является разделом лексики. Изучение всех видов лексики, их ответвлений является чрезвычайно важным в изучении всего языка в целом, что, в свою очередь, является частью культурного познания мира. «Между самосознанием элементов языка и других элементов культуры нет чётко выраженной границы... в переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания», – пишет московский лингвист С.Е. Никитина, исследовавшая народную картину мира [18, с. 7]. В последние десятилетия сбором и описанием говоров занимаются научно-исследовательские институты, университеты ими создаются различного рода диалектные словари. Подобная собирательская деятельность, в которой

участвуют и студенты, важна не только для лингвистики, но и для изучения культуры и истории народа и, несомненно, для воспитания молодёжи.

Большое количество диалектизмов мы встречаем в литературных произведениях. Через язык произведений диалектные слова привлекаются, опробуются, «обкатываются» в литературном языке, а при условии приемлемости, некоторые из них включаются в словарь литературного языка. Но для большинства читателей, а особенно школьников, эти слова непонятны и это препятствует раскрытию в произведениях глубокой идеи и смысла. И на своей деятельности учитель не раз сталкивается с подобными проблемами. Таким образом, не возникает ни тени сомнения в том, что изучаемая тема актуальна и важна.

Цель и задачи исследования.

Целью нашей работы является анализ диалектизмов в поэтическом дискурсе С.А.Есенина. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. охарактеризовать диалектную лексику и ее виды;
2. охарактеризовать использование диалектизмов в речи;
3. определить роль диалектизмов в творчестве Есенина;
4. доказать наличие антонимических и синонимических построений, которые выражены диалектными формами;
5. определить функцию диалектизмов в поэзии, рассмотрев их с точки зрения метрики.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования в работе являются диалектизмы в русской художественной речи.

Предмет исследования составляют диалектизмы во всём их многообразии в поэтическом дискурсе С.А. Есенина, диалектные формы в синонимических и антонимических построениях С. А. Есенина, метрическая функция диалектизмов в поэзии.

Научная новизна работы. Изучением диалектной лексики в творчестве С. А. Есенина занимались многие лингвисты. Эта тема ярко представлена и раскрыта в статьях и монографиях, то есть материал о диалектизмах в поэзии С. А. Есенина в полной мере обобщен и систематизирован. В данной работе мы обратились к патриотической лирике поэта, постарались определить место диалектных форм в синонимических и антонимических построениях, а также роль диалектизмов в метрической системе лирике поэта.

Теоретическое и практическое значение работы. Содержание курсовой и её основные выводы могут быть использованы в школьном и вузовском курсе изучения русского языка, в учебном процессе в школе. А также для дальнейшего изучения этой проблемы, написания статей, монографий. Материал этой работы может быть использован учителями, преподавателями, лингвистами и исследователями.

Структура работы. Изложенные выше цели и задачи определили *содержание и структуру* настоящей выпускной квалификационной работы, которая состоит из введения, трех глав («Диалектная лексика», «Лексический строй поэзии С.Есенина», «Диалектизмы в поэтическом дискурсе С.А. Есенина»), заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1.1 Диалектизмы и их виды

Лексика современного русского языка распадается на две основные группы: лексику общеупотребительную и лексику ограниченного употребления. К общеупотребительной лексике относятся слова, использование которых ничем не ограничено. В неё входят слова из разных областей жизни современного общества: политической, экономической, культурной, бытовой и т. д. В группе лексики ограниченного употребления выделяются, во-первых, слова, присущие тем или иным говорам, диалектам (так называемые диалектизмы); во-вторых, слова специальные – профессионально-терминологические, а также жаргонные (или арготические).

Говор, или диалект, – самая маленькая территориальная разновидность языка, на которой говорят жители одной деревни или нескольких близлежащих деревень. Различают диалект жителей северных областей (косуля – соха, лава – мостик, теплина – костёр) и южных областей (заказ – лес, козюля – земля, площадь – кусты).

Северорусское наречие составляют местные говоры, для которых характерно "оканье"; "Г" взрывное, "Т" твёрдое в окончаниях глаголов 3-го лица ед.ч. и мн.ч. настоящего и будущего времени. Конечно, в каждом из северорусских говоров имеются и другие диалектные особенности, нередко многочисленные и разнообразные.

К южнорусскому наречию относятся местные говоры, для которых характерно "аканье"; "Г" щелевое, "Т" мягкое в окончаниях глаголов 3-го лица. Понятно, что южнорусские говоры, как и говоры северорусские, не являются совершенно одинаковыми, имеют различия между собой. Но по указанным особенностям они, объединяясь в одно южнорусское наречие, заметно противопоставлены всем северорусским говорам.

Диалектные слова называются диалектизмами. Термин “диалектизм” включает в себя не только то, что относится к особенностям словарного состава того или иного диалекта, или говора, но и то, что составляет его фонетическую, словообразовательную или грамматическую особенность. Исходя из этого, выделяют диалектизмы:

- фонетические: вяселый (веселый), дамно (давно), энтот (этот), ламоцки (лямочки), Хвёдор (Фёдор);

- морфологические: видел своим глазам (видел своими глазами), нисёт (несёт), степя (степи), у мене (у меня), говорил с умным людям (говорил с умными людьми);

- лексические. Лексические диалектизмы неоднородны, в них могут быть выделены следующие группы: собственно лексические, лексико-семантические, этнографические и фразеологические. Собственно лексическими диалектизмами называются слова, которые совпадают с общелитературными по значению, но отличаются своим звуковым комплексом. Они называют те же понятия, что и тождественные им слова литературного языка, т. е. являются своего рода синонимами. Например: голицы, шубенки (сев.) – варежки; вёкша (сев.) – белка; стёжка (южн.) – дорожка; грёбовать (южн.) – брезгать, пренебрегать. Лексико-семантическими диалектизмами называются слова, совпадающие в написании и произношении с литературными, но отличающиеся от них своим значением. Подобные диалектизмы являются омонимами по отношению к словам литературным. Например: бодрый (южн., рязанск.) – нарядный, красиво убранный и бодрый (лит.) – полный сил, здоровый, энергичный; пыж (волжск.) – нос судна, самый перед его; пыж (сев.- вост.) – конопляная мякина и пыж (лит.) – пучок пеньки, ткани, бумаги для забивки заряда. Этнографические диалектизмы – слова, называющие предметы и явления, свойственные быту населения лишь данной местности и неизвестные в других областях или чем-то специфическим отличающиеся от

них. Например: курлук (вост.) – вид дикой гречи в Сибири; дулейка (сев.) – ватная кофта. Фразеологические диалектизмы – устойчивые словосочетания, известные в данном значении лишь в какой-то местности. Например: в скуку упасть – заскучать; как в соль сел – зачах; без смерти смерть – что-то трудное, тяжелое и др.

Длительное время местные говоры обогащали русский литературный язык. Они были теми ручейками и родниками, которые питали полноводную реку общерусского языка. Так, из диалектов в литературный язык пришли некоторые названия, связанные с циклом сельскохозяйственных работ, с наименованием народной одежды, названия рода занятий в разных промыслах. Например: высев, боронить, борозда, клубень, стог, копна, доярка, дояр, конопатить, омуль, беспечный, ворковать, дряблый, жерлица, жуткий, зазноба, земляника, корявый, лебезить, мямлить, мохнатый, назойливый, осторожный, пасмурный, подоплёка, смекалка, ухаб и многие другие.

1.2 Использование диалектизмов в живой русской речи

Поскольку диалектная лексика принадлежит к числу слов необщеизвестных, необщепонятных, закономерен вопрос, как и в какой мере она может быть использована в художественных целях? Степень и характер использования диалектных слов определяются темой произведения, объектом изображения, целями, которые ставит перед собой автор, его эстетическим идеалом, мастерством и т. д. Так, например, у Л. Н. Толстого диалектизмы встречаются не только при передаче речи крестьян, но иногда и в языке автора, где даны без каких-либо разъяснений. У И. С. Тургенева такие слова носят характер цитат, вкраплений, чуждых общему словесному контексту. При этом они снабжены замечаниями, раскрывающими их смысл,

область употребления и эти графические средства в тексте подчеркивают их отличие от общелитературного контекста.

Функции диалектной лексики в языке различны. Как и слова литературного языка, она выполняет номинативную функцию, называя местные бытовые предметы, одежду, обычаи и т.д. По-прежнему диалектная лексика используется для устного общения на той или иной территории, т.е. выполняет коммуникативную функцию. В письменных формах языка (например, в районных, областных газетах) некоторые диалектизмы помогают более доступно и понятно для местных читателей называть отдельные предметы, явления, процессы. Употребление диалектных слов в языке художественной литературы, в газетной речи – один из путей проникновения в литературный язык.

Диалектизмы могут быть свежим, выразительным средством. Именно выразительность слова "выползина" (старая шкурка, сбрасываемая некоторыми животными при линьке) восхитила А. С. Пушкина, услышавшего его от знатока народной речи В. И. Даля.

Диалектизмы всех типов служат средством индивидуализации персонажа: «"Лягва тоже не зря кричит, – объяснил дед, слегка обеспокоенный нашим угрюмым молчанием. – Лягва, милок, перед грозой завсегда тревожится, скачет, куда ни попало. Надясь я ночевал у помощника, уху мы с ним в казанке варили у костра, и лягва - кило в ней было весу, не меньше – сиганула прямо в казанок и сварилась ... " – "И ничего? – спросил я. – Есть можно? " – "Скусная пицца", – ответил дед» [цит. по 21, с. 186]; с их помощью можно достичь, этнографической достоверности и художественной убедительности в воспроизведении быта, обстановки и т. д.

Для современных писателей, пишущих о деревне и широко привлекающих диалектные слова, нехарактерно специальное разъяснение этих слов, даже тех, которые явно могут быть неизвестны читателю.

Используются диалектные средства и в газете, чаще всего в очерке, где они характеризуют как данного героя, его речь, так и отдельные особенности быта, языка той местности, в которой живет герой.

Говоря об употреблении диалектных слов в газете, необходимо подчеркнуть, что требование мотивированного использования диалектизмов приобретает здесь особое значение. И, прежде всего потому, что газета должна нести читателю образованную, литературную речь. Значит, привлечение нелитературных средств должно быть в газетных текстах максимально оправданно. Например: "Я не зря поставил Василия Михайловича немного обочь от других брянских таежных жителей." И в этом случае не представляется мотивированным использование диалектного слова ни с художественной, ни с какой – либо другой точки зрения.

Следует так же помнить, что употребленное в газете диалектное слово должно быть понятно читателю, а значит, разъяснено, если оно требует того по своему характеру. Ведь газета прочитывается быстро и у читателя нет времени на отыскивание в словарях непонятого слова.

1.3. Использование диалектизмов в произведениях художественной литературы

В художественной речи диалектизмы выполняют важные стилистические функции: помогают передать местный колорит, специфику быта, культуры; особенности речи героев, наконец, диалектная лексика может быть источником речевой экспрессии и средством сатирической окраски.

Использование диалектизмов в русской художественной литературе имеет свою историю. Поэтика XVIII в. допускала диалектную лексику только в низкие жанры, главным образом в комедии; диалектизмы были отличительной особенностью нелитературной, преимущественно

крестьянской речи персонажей. При этом часто в речи одного героя смешивались диалектные черты различных говоров. Писатели-сентименталисты, предубежденные против грубого, «мужицкого» языка, ограждали свой слог от диалектной лексики. Интерес к диалектизмам был вызван стремлением писателей-реалистов правдиво отразить жизнь народа, передать «простонародный» колорит. К диалектным источникам обращались И.А. Крылов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и др. У Тургенева, например, часто встречаются слова из орловского и тульского говоров (большак, гуторить, понева, зелье, волна, лекарка, бучило и др.). Писатели XIX в. использовали диалектизмы, которые отвечали их эстетическим установкам. Стилистически могло быть оправдано и обращение к сниженной диалектной лексике. Например: "Как нарочно, мужички встречались все обтерханные" – здесь диалектизм с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской в контексте сочетается с другой сниженной лексикой ("ракиты стояли, как нищие в лохмотьях; крестьяне ехали на плохих клячонках").

Следует различать, с одной стороны, "цитатное" употребление диалектизмов, когда они присутствуют в контексте как иностилевой элемент, и, с другой стороны, использование их на равных правах с лексикой литературного языка, с которой диалектизмы стилистически должны слиться. При «цитатном» употреблении диалектизмов важно знать меру, помнить о том, что язык произведения должен быть понятен читателю. Например: "Все вечера, а то и ночи сидят [ребята] у огончиков, говоря по-местному, да пекут опалихи, то есть картошку" – здесь такое употребление диалектизмов стилистически оправдано. При оценке эстетического значения диалектной лексики следует исходить из ее внутренней мотивированности и органичности в контексте. Само по себе присутствие диалектизмов еще не может свидетельствовать о реалистическом отражении местного колорита. Как справедливо подчеркивал А.М. Горький, "быт нужно в фундамент

укладывать, а не на фасад налеплять. Местный колорит - не в употреблении словечек: тайга, заимка, шаньга - он должен из нутра выпирать".

Более сложной проблемой является использование диалектизмов наравне с литературной лексикой. В этом случае увлечение диалектизмами может привести к засорению языка произведения. Например: *все вабит, привораживает; плавал одаль белозор; склон с прикрутицей муравится* – такое введение диалектизмов затемняет смысл. При определении эстетической ценности диалектизмов в художественной речи следует учитывать, какие слова выбирает автор. Исходя из требования доступности, понятности текста, обычно отмечают как доказательство мастерства писателя употребление таких диалектизмов, которые не требуют дополнительных разъяснений и понятны в контексте. В результате такого подхода нередко диалектизмы, получившие распространение в художественной литературе, становятся «общерусскими», утратив связь с конкретным народным говором.

Писатели должны выходить за рамки «междиалектной» лексики и стремиться к нестандартному использованию диалектизмов. Примером творческого решения этой задачи может быть проза В.М. Шукшина. В его произведениях нет непонятных диалектных слов, но речь героев всегда самобытна, народна. Например, яркая экспрессия отличает диалектизмы в рассказе «Как помирал старик»:

"Егор встал на припечек, подсунул руки под старика.

- Держись мне за шею-то... Вот так! Легкий-то какой стал!..

- Выхворался... (...)

- Вечерком ишо зайду попроведаю. (...)

- Не ешь, вот и слабость, - заметила старуха. - Может, зарубим курку - сварю бульону? Он ить скусный свеженькой-то... А? (...)

- Не надо. И поисть не поем, а курку решим. (...)

- Хоть счас-то не ерепенься!.. Одной уж ногой там стоит, а ишо шебаршит ково-то. (...) Да ты что уж, помираешь, что ли? Может, ишо оклемаишься(...)

- Агнюша, - с трудом сказал он, - прости меня... я маленько заполошный был..." [33, с. 113].

Но все же диалектизмы в художественном тексте должны быть понятны, доступны широкому кругу читателей. На этом фоне особенно ярко выступает мастерство М.А. Шолохова. Он тоже использовал диалектизмы, и очень широко. Но диалектизмы в его произведениях – это не набор случайно услышанных человеком городской культуры деревенских слов. Это точное отражение родной писателю донской речи. Читатель слышит ее в разговорах казаков, в языке самого автора. Они входят в авторские описания природы, используются в составе сравнений, как образные поэтические средства – метафоры. Например, в «Тихом Доне»: "Ранней весной, когда сойдет снег и подсохнет полегшая за зиму трава, в степи начинаются весенние палы. Потоками струится подгоняемый ветром огонь, жадно пожирает он сухой аржанец, взлетает по высоким будыльям татарника, скользит по бурым верхушкам чернобыла, стелется по низинам"; "Пусто и одичало, как на забытом и затравевшем лебедой и бурьяном гумне, стало на душе у Аксиньи после того, как пришла с мелеховского огорода из подсолнухов"; "Над Доном на дыбах ходил туман и, пластаясь по откосу меловой горы, сползал в яры серой безголовой гадюкой"; "Тугой ожерелок мундира прямил ему жилистую шею..." [32].

Большое количество диалектизмов в прямой и авторской речи – этнографизмы, называющие специфические предметы и явления казачьего быта: курень (жилой дом в казачьей донской станице), майдан (площадь, где происходят гач (сходки, собрания), чекмень (особый вид мужской верхней одежды) и т.д.

В подавляющем большинстве "шолоховские" диалектизмы понятны (исключение составляют этнографизмы) благодаря своей структуре, корневому родству с общенародными словами (вечерять, глазюки, утирка, забижать, зараз, затравевший, ожерелок, чадунюшка, чертяка и т.д.) или словесному окружению, контексту ("пьяненький дед Гришака обнимал ширококостную спину соседа по лавке, брунжал по-комариному ему в ухо").

В произведениях современных "деревенских" писателей, как правило, выходцев из деревни, – Ф. Абрамова, Б. Можаяева, Е. Носова, В. Белова, В. Солоухина, В. Шукшина и др. – воплощены принципы использования диалектизмов, выработанные Шолоховым. Эти писатели просто и естественно вводят диалектную лексику разных типов не только в речь персонажей, но и во все виды авторской речи (описание, повествование, лирические контексты и т.д.): "У бани я долго лежал в траве, прислушиваясь, но никого не было, только курицы порхались в картошке" [3, с. 96]. "В стекла окон сыпанули первые рясные капли дождя" [33, с. 125]; "Это она, Анфиса Петровна, схватилась с Першиным на правлении из-за семян, а он, Михаил, да Петр Житов, если говорить правду, только облай со стороны вели" [1, с. 24]. Для этих писателей нехарактерно специальное разъяснение значения диалектных слов, даже тех, которые явно могут быть неизвестны широкому читателю. Например, канка – диалектное слово, используемое героем повести Б. Можаяева «Из жизни Федора Кузькина»: "Были пироги да канки, а остались одни лихоманки", или шоболы из той же повести [17, с. 46]

Заметное исключение в этом отношении – В. Солоухин, в произведениях которого встречаются разнообразные традиционные объяснения смысла могущих оказаться непонятными диалектных слов. Непонятность диалектных слов (особенно если такие слова не единичны в произведении) может вызвать у читателя раздражение. Об этом все-таки должны помнить авторы литературных произведений.

Для современного языка художественной литературы широкое использование диалектизмов нехарактерно. Это обусловлено активизацией процесса растворения местных говоров в литературном русском языке, их сближения с ним. Этот процесс захватывает всю систему говора, но наиболее проницаемой оказывается лексика. При этом наблюдается сложная, многоступенчатая перестройка диалектной лексики: от сужения сферы употребления отдельных диалектизмов до полного их исчезновения из словаря говора в связи с изменением методов ведения сельского хозяйства, угасанием отдельных ремесел, заменой или исчезновением многих социально-бытовых реалий и тому подобное.

Выводы по первой главе

Русские народные говоры, или **диалекты** (гр. *dialektos* - наречие, говор), имеют в своем составе значительное количество самобытных народных слов, известных только в определенной местности. Так, на юге России рогач называют *ухватом*, глиняный горшок - *махоткой*, скамью - *услон* и т. д. Диалектизмы бытуют, в основном, в устной речи крестьянского населения; в официальной обстановке носители диалектов обычно переходят на общенародный язык, проводниками которого являются школа, радио, телевидение, литература.

В диалектах запечатлелся самобытный язык русского народа, в отдельных чертах местных говоров сохранились реликтовые формы древнерусской речи, которые являются важнейшим источником восстановления исторических процессов, затронувших когда-то наш язык.

Диалекты отличаются от общенародного национального языка различными чертами - фонетическими, морфологическими, особым словоупотреблением и совершенно оригинальными словами, неизвестными литературному языку. Это дает основание сгруппировать диалектизмы русского языка по их общим признакам.

1. **Лексические** диалектизмы - слова, известные только носителям диалекта и за его пределами не имеющие ни фонетических, ни словообразовательных вариантов. Например, в южнорусских говорах бытуют слова *буряк (свекла)*, *цибуля (лук)*, *гуторить (говорить)*; в северных - *кушак (пояс)*, *баской (красивый)*, *голицы (рукавицы)*. В общеупотребительном языке эти диалектизмы имеют эквиваленты, называющие тождественные предметы, понятия. Наличие таких синонимов отличает лексические диалектизмы от других типов диалектных слов.

2. **Этнографические** диалектизмы - слова, называющие предметы, известные лишь в определенной местности: *шанежки* - 'пирожки, приготовленные особым способом', *дранки* - 'особые оладьи из картофеля', *нардек* - 'арбузная патока', *манарка* - 'род верхней одежды', *понёва* - 'разновидность юбки' и т. д. Этнографизмы не имеют и не могут иметь синонимов в общенародном языке, так как сами предметы, обозначенные этими словами, имеют локальное распространение. Как правило, это предметы быта, одежда, кушанья, растения и под.

3. **Лексико-семантические** диалектизмы - слова, обладающие в диалекте необычным значением: *мост* - 'пол в избе', *губы* - 'грибы всех разновидностей, кроме белых', *кричать* (кого-либо) - 'звать', *сам* - 'хозяин, муж' и т. д. Такие диалектизмы выступают в качестве омонимов к общенародным словам, употребляемым с присущим им в языке значением.

4. **Фонетические** диалектизмы - слова, получившие в диалекте особое фонетическое оформление *цай (чай)*, *чепь (цепь)* - следствия "цоканья" и "чоканья", свойственных северным говорам; *хверма (ферма)*, *бамага (бумага)*, *пашпорт (паспорт)*, *жисть (жизнь)* и под.

5. **Словообразовательные** диалектизмы - слова, получившие в диалекте особое аффиксальное оформление: *певень (петух)*, *гуска (гусыня)*, *телок (теленки)*, *земляница (земляника)*, *братан (брат)*, *шуряк (шурин)*,

дарма (даром), завсегда (всегда), откуль (откуда), покеда (пока), евонный (его), ихний (их) и т. д.

6. Морфологические диалектизмы - не свойственные литературному языку формы словоизменения: мягкие окончания у глаголов в 3-м лице (*идеть, идуть*); окончание *-ам* у существительных в творительном падеже множественного числа (*под столбам*); окончание *е* у личных местоимений в родительном падеже единственного числа: *у мене, у тебе* и др.

В живой речи употребление диалектизмов не оправдано даже как характерологическое средство, если автор приводит слова героев, сказанные в официальной обстановке. Например: *...Надо своевременно доглядеть животное, поставить в известность ветеринарную службу; Шефы приносят продукты, мосты вымоют, белье в прачечную сдадут. А иногда и просто повечерять зайдут* (речь героев очерков). В таких случаях диалектизмы создают недопустимый разноречивый речевых средств, потому что в беседе с журналистами сельские жители стараются говорить на литературном языке. Авторам очерков, можно было написать: *...Надо вовремя позаботиться о животном; ...полы вымоют; иногда просто поужинать зайдут.*

При определении эстетической ценности диалектизмов в художественной речи следует учитывать, какие слова выбирает автор. Исходя из требования доступности, понятности текста, обычно отмечают как доказательство мастерства писателя употребление таких диалектизмов, которые не требуют дополнительных разъяснений и понятны в контексте. Поэтому часто писатели условно отражают особенности местного говора, используя несколько характерных диалектных слов

ГЛАВА 2. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СТРОЙ ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

2.1. Поэтическое наследие С. Есенина

Родился Есенин в крестьянской семье. С 1904 по 1912 год учился в Константиновском земском училище и в Спас-Клепиковской школе. За это время им было написано более 30 стихотворений, составлен рукописный сборник «Больные думы» (1912), который он пытался опубликовать в Рязани. Русская деревня, природа средней полосы России, устное народное творчество, а главное — русская классическая литература оказали сильное влияние на формирование юного поэта, направляли его природный талант.

Сам Есенин в разное время называл разные источники, питавшие его творчество: песни, частушки, сказки, духовные стихи, «Слово о полку Игореве», поэзию Лермонтова, Кольцова, Никитина и Надсона. Позднее на него оказывали влияние Блок, Клюев, Белый, Гоголь, Пушкин. Из писем Есенина 1911—1913 годов вырисовывается сложная жизнь поэта. Все это нашло отражение в поэтическом мире его лирики 1910—1913 годов, когда им было написано более 60 стихотворений и поэм. Здесь выражена его любовь ко всему живому, к жизни, к родине («Выткался на озере алый свет зари...», «Дымом половодье...», «Береза», «Весенний вечер», «Ночь», «Восход солнца», «Поет зима — аукает...», «Звезды», «Темна ноченька, не спится...» и др.).

С первых же стихов в поэзию Есенина входят темы родины и революции. Поэтический мир становится более сложным, значительное место в нем начинают занимать библейские образы, христианские мотивы. В 1915 году Есенин приезжает в Петроград, встречается с Блоком, который оценил «свежие, чистые, голосистые», хотя и «многословные» стихи «талантливого крестьянского поэта-самородка», помог ему, познакомил с писателями и издателями. Есенин становится

знаменитым, его приглашают на поэтические вечера и в литературные салоны.

В начале 1916 года выходит первая книга «Радуница», в которую входят стихи, написанные Есениным в 1910—1915 годах. Творчество поэта 1914-1917 годов сложно и противоречиво («Микола», «Егорий», «Русь», «Марфа Посадница», «Ус», «Исус-младенец», «Голубень» и др.). Основой есенинского мироздания является изба со всеми ее атрибутами. Избы, окруженные дворами, огороженные плетнями и связанные друг с другом дорогой, образуют деревню. А деревня, ограниченная околицей, — это и есть есенинская Русь, которая отрезана от большого мира лесами и болотами. Герой лирики Есенина молится «дымящей земле», «на алы зори», «на копны и стога», он поклоняется родине. Есенин позже признавался: «Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к родине.

Чувство родины — основное в моем творчестве». В дореволюционном поэтическом мире Есенина Русь многолика: «задумчивая и нежная», смиренная и буйственная, нищая и веселая, справляющая «праздники победные». В стихотворении «Не в моего ты бога верила» (1916) поэт зовет Русь — «царевну сонную», находящуюся «на туманном берегу», к «веселой вере», которой теперь привержен он сам. В стихотворении «Тучи с ожереба...» (1916) поэт как будто предсказывает революцию — «преображение» России «через муки и крест» и гражданскую войну. Но поэт верил, что настанет такое время, когда все люди станут братьями. Отсюда стремление ко всеобщей гармонии, к единству всего сущего на земле.

Поэтому один из основных законов мира Есенина — это всеобщий метаморфизм (что позже приведет поэта к имажинистам). Люди, животные, растения, стихии и предметы — все это, по Есенину, дети одной матери-природы. Он очеловечивает природу. Первый сборник пленяет не только свежестью и лиризмом, живым ощущением природы, но и образной яркостью. Книга пропитана фольклорной поэтикой (песня, духовный стих),

ее язык обнаруживает немало областных, местных слов и выражений, что тоже составляет одну из особенностей поэтического стиля Есенина. Во второй половине 1916 года поэт готовит новый стихотворный сборник «Голубень». В новых стихах уже немало подлинных лирических шедевров, таковы его стихи о светлой, нежной любви, окрашенной в чувственные тона, — «Не бродить, не мять в кустах багряных» (1916), «Запели тесаные дроги» (1916).

В 1919 году вышла книга «Ключи Марии», в которой Есенин сформулировал свой взгляд на искусство, его суть и цели. Эта работа была принята как манифест имажинистов, объединение которых произошло в 1918-1919 годах. Наиболее значительные произведения Есенина, принесшие ему славу одного из лучших поэтов, созданы в 1920-е годы.

Как всякий великий поэт, Есенин не бездумный певец своих чувств и переживаний, а поэт-философ. Как всякая поэзия, его лирика философична. Философская лирика — это стихи, в которых поэт говорит о вечных проблемах человеческого бытия, ведет поэтический диалог с человеком, природой, землей, Вселенной. Примером полного взаимопроникновения природы и человека может служить стихотворение «Зеленая прическа» (1918). Оно развивается в двух планах: березка — девушка. Читатель так и не узнает, о ком это стихотворение — о березке или о девушке.

Потому что человек здесь уподоблен дереву — красавице русского леса, а она — человеку. Березка в русской поэзии — символ красоты, стройности, юности; она светла и целомудренна. Поэзией природы, мифологией древних славян проникнуты такие стихотворения 1918 года, как «Серебристая дорога...», «Песни, песни, о чем вы кричите?», «Я покинул родимый дом...», «Закружилась листва золотая...» и т.д. Поэзия Есенина последних, самых трагических лет (1922—1925) отмечена стремлением к гармоническому мироощущению. Чаще всего в лирике ощущается глубокое осмысление себя и Вселенной («Не жалею, не зову, не плачу...», «Отговорила

роща золотая...», «Мы теперь уходим понемногу...» и др.). «Не жалею, не зову, не плачу...» (1922) — одна из вершин есенинской поэзии.

Это стихотворение проникнуто лиризмом, предельной душевной открытостью, изобилует «земными» образами, выписанными ярко и сочно. Удивительно соседство фразы из поэтической лексики XIX века («омоя утраченная свежесть») и типично есенинское, народно-человеческое «буйство глаз и половодье чувств». Содержание стихотворения и конкретно, и условно одновременно. Рядом с поэтическими деталями земного мира («белых яблонь дым», «страна березового ситца», «весенней гулкой ранью») — образ мифологический, символический — образ розового коня. Розовый конь — символ восхода, весны, радости, жизни... Но и реальный крестьянский конь на заре становится розовым в лучах восходящего солнца.

Суть этого стихотворения — благодарственная песнь, благословение всего живого. Система ценностей в поэзии Есенина едина и неделима; в ней все взаимосвязано, все образует единую картину «родины любимой» во всем многообразии ее оттенков. Это и является высшим идеалом поэта. Поэт понимал, что близкая его сердцу деревня — это «Русь уходящая». Об этом свидетельствует его поэма «Сорокоуст» (1920), сборники стихотворений «Трерядница» (1920), «Исповедь хулигана» (1921), «Стихи скандалиста» (1923), «Москва кабацкая» (1924), «Русь Советская» (1925), «Страна Советская» (1925), «Персидские мотивы» (1925). Поэма «Анна Снегина» (1925) стала во многом итоговым произведением, в котором личная судьба поэта осмыслена с судьбой народной (см. «Анна Снегина»).

Уйдя из жизни в 30 лет, С.А.Есенин оставил нам чудесное поэтическое наследство. И пока живет земля, Есенину-поэту суждено жить с нами и «воспевать всем существом в поэте шестую часть земли с названьем кратким «Русь».

2.2. Особенности поэтики С.Есенина

Большое место в творчестве Есенина занимают эпитеты, сравнения, повторы, метафоры. Они используются как средство живописи, передают многообразие оттенков природы, богатство ее красок, внешние портретные черты героев ("черемуха душистая", "рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани", "во мгле сырой месяц, словно желтый ворон, вьется над землей"). Немаловажную роль в поэзии Есенина, как и в народных песнях, играют повторы. Они используются для передачи душевного состояния человека, для создания ритмического рисунка. Есенин употребляет повторы с перестановкой слов. Рассмотрим ряд примеров (весь иллюстративный материал с указанием названия произведения и страницы приводится по сборнику *Есенин С. Синь, упавшая в реку. Поэзия, проза. – М.: Правда, 1985. – 736 с.*):

С моей душой стряслась беда,

С душой моей стряслась беда (с. 333).

Поэзия Есенина насыщена обращениями, часто это обращения к природе:

Милые березовые чащи! (с. 286)

Используя стилистические особенности народной лирики, Есенин как бы пропускает их через литературные традиции и через свое поэтическое мироощущение.

В своей книге "Некрополь" Ф. Ходасевич утверждал, что красота родных рязанских раздолий и русского слова, песни матери и сказки бабушки, Библия деда и духовные стихи странников, деревенская улица и земская школа, лирика Кольцова и Лермонтова, частушки и книги – все эти, порой крайне противоречивые, влияния способствовали раннему поэтическому пробуждению Есенина, которого мать-природа столь щедро наделила драгоценным даром песенного слова.

Чаще всего он писал о деревенской природе, которая всегда выглядела у него простой и незамысловатой. Это происходило потому, что эпитеты, сравнения, метафоры Есенин находил в народной речи:

За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы (с. 103)

Или:

Воробушки игривые,
Как детки сиротливые (с. 24).

Так же как и для народа, для Есенина характерно одушевление природы, приписывание ей человеческих чувств, т. е. приём олицетворения:

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел (с. 411)

Настроения и чувства Есенина, как и народа, созвучны природе, поэт ищет у нее спасения и успокоения. Природа сопоставляется с переживаниями человека:

Не нашлось мое колечко.
Я пошел с тоски на луг.
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг» (с. 27).

Е. С. Роговер высказывал мнение, что есенинская поэзия зрелых лет также обращена к прекрасному. Поэт умеет находить в природе, человеке, истории и современности по-настоящему красивое, самобытное, чарующее своей поэтичностью и неповторимостью. При этом он может так сопрягать эти разные начала бытия, что они взаимопроникают друг в друга. Поэтому Есенин природу опять же очеловечивает, а личность уподобляет образа родного ландшафта, ценя естественное начало в человеке и высоко ставя его природосообразные поступки. Эти же свойства он ценит и в себе:

*Сердцем я всё такой же,
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза (с. 169).*

*Башка моя, словно август,
Льётся бурливых волос вином (с. 169).*

В сердце ландыши вспыхнувших сил (с. 130).

Тот старый клён головой на меня похож (с. 151).

Нередко нас поражает способность Есенина переживать очарование прекрасным. Есть у него стихотворение, которое можно назвать элегией. Это стихотворение “Не жалею, не зову, не плачу...”.

Стихотворение строится как монолог человека, подводющего итог своей многотрудной, но яркой, полной событиями жизни. Лирический герой, как исходил нескончаемые дороги Отчизны, влекомый “духом бродяжьим”, испытывающий особое очарование тишиной и грустно переживающий ныне своё увядание. С восторгом лирический герой говорит о “о стране берёзового ситца”; ощущает, как “тихо льётся с клёнов листьев медь”; кажется ему, будто он вновь

... весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне (с. 174).

Но монолог-воспоминание этого скитальца произнесён и эстетически оформлен как элегия. И оттого в первой и последней строках звучит родственный грустный мотив увяданья природы и человека:

Увяданья золотом охваченный,

Я не буду больше молодым (с. 174).

Чуткий к эстетическому богатству сущего, Есенин “расцветчивает” явления окружающего мира: “Покраснела рябина, / Посинела вода”; “Лебединое пенье / Нежит радугу глаз...”. Но эти краски он не придумывает,

а подсматривает в родной природе. При этом он тяготеет к чистым, свежим, интенсивным, звенящим тонам. Самым распространённым цветом в лирике Есенина оказывается синий, далее голубой. Эти краски в своей совокупности передают цветовое богатство действительности.

Отдельно следует сказать о мощном воздействии на Есенина древнерусской литературы и иконописи. По его словам, литература Древней Руси – “великая литература”, которая “перевесит всю прочую мировую словесность”. Иногда в творчестве поэта обнаруживается развитие того или иного сюжета древних письменных памятников, в других случаях – отдельных мотивов; порой он пользуется метафорами и сравнениями, почёрпнутыми из хождений, жития и воинских повестей. Особенно часто Есенин обращается к “Слову о полку Игореве”, которое знал наизусть. В таких произведениях, как “Песнь о Великом походе”, “По-осеннему кычет сова...”, мы постоянно находим мотивы и фразеологию великого творения древности:

*По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани,
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.
Полевое, степное “ку-гу”,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына(с. 165).*

А темы прославленной русской иконописи (отрок Христос, Спас, Троица, Распятие, Хождения Богородицы по мукам, Успение Богоматери) мы встречаем в поэмах “Инония”, “Октоих”, “Отчарь”. Спас выступает здесь как символ многострадальной Отчизны. Чистый красный цвет в есенинских стихах напоминает о киновари икон, а синева – о русской настенной фреске. Эти средства вступают в сложное соединение с библейской образностью. Вот

отчего так характерна для поэтических строк Есенина древнерусская и церковно – славянская лексика (“ширь”, “синь”, ”солнь”, “гать”, “выть”, “крепь”, “звень”, ”темь”, “мрать”).

Сюжеты и образы, выразительные средства древнерусской культуры получили своё отражение в ряде эпических произведений Есенина. Это раннее ”Сказание о ЕвпатииКоловрате”, написанное на основе “Повести о разорении Рязани Батыем” и народно – поэтических преданий о легендарном подвиге есенинского земляка – воеводы. Это “Марфа Посадница” ,поэтизирующая народную вольницу, написанная в традициях русской литературы, в которых Новгород выступает как оплот свободы и героизма. Есенин славит в этих поэмах исконное народное богатырство.

Тесная сращенность есенинских стихов с фольклором, в частности с песней, во многом определила их музыкальность. Его стихи поются, “просятся” для своего воплощения в романсы и другие музыкальные жанры. И не случайно многие композиторы обращались к лирике Есенина в своём творчестве.

1.3. Лексическое многообразие поэзии С. Есенина

Подобно большинству поэтов его эпохи С. А. Есенин был новатором в области формы, и лексика его отличается большим многообразием. Это обширные группы слов - диалектизмы, неологизмы, историзмы, отчасти архаизмы. Многие из них вызывают некоторые затруднения при чтении Есенина. Затруднения эти имеют разную природу.

Так, устаревшие слова затрудняют понимание текста. Поэт иногда намеренно употребляет трудное, диковинное слово, чтобы читатель, будучи вынужден задуматься о его значении и назначении, тем самым глубже проник в смысл произведения.

Молочный дым качает ветром села

Но ветра нет, есть только легкий звон.

И дремлет Русь в тоске своей веселой,

Вцепивши руки в желтый крутосклон. (стр. 102)

Вцепить(устар.) – соединить, прицепить; захватить крючком. Или:

Под соломой ризою

Выструги стропил

Ветер плесень сизую

Солнцем окропил (с. 48).

Выструг(устар.) – действие по глаголу «выстругивать», в есенинском контексте – выструганное место.

А пойдете, бойцы, ловить кречетов,

Отошлем дикомыти с потребой царю;

Чтобы дал нам царь ответ в сечи той,

Чтоб не застил он новоградску зарю. (с. 52)

Дикомыть, дикомыт (устар.) – у сокольников ловчая птица, выдержанная не с гнезда, а пойманная и прирученная уже старою, пережившуюся в диком состоянии. В есенинском контексте *дикомыть* – образ, ассоциированный с образом Новгорода – вольной республики со сложившимися обычаями, которая не хочет быть «прирученной» московским царем.

В есенинской лирике немало неологизмов. Неологизмы вызывают затруднения иного рода. Неологизм, если он удачен, обычно оказывается вполне понятным. Но, легко понимая значение неологизма, мы не всегда так легко понимаем его назначение. Поэтому если в толковании диалектизмов и историзмов мы главным образом указываем, что значит данное слово, то в толковании неологизмов основное внимание обращается на то, зачем употребляется данное слово.

И шепчут про кусты

Непроходимых роц,

*Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь («Октоих»)*

Златоколенный (неол.) – имеющий золотые колени; частый у Есенина прием столкновения торжественно-архаической формы с обыденной лексикой, ср.: «Где златятся рогожки в ряд» и др.

*Как взглянули звезды-ласточки,
загадали думу - полымя
Чтой-то Русь захолинулася,
Аль не слышит лязгу бранного? (с. 39)*

Захолинуться (неол.) – стилизованное «захолонуть» - оцепенеть, застыть.

Чаще всего поэт прибегает к неологизмам:

1) ради усиления фонетической выразительности текста, например создание или усиление аллитерации («гарк», суц.; «среброзвонный»);

2) ради стяжения описательного выражения – путем приставочного словообразования («безвлажный» - лишенный влаги, «безгладь» - отсутствие глади) или контаминации двух слов («буйница» - буйная вольница, «влакать» - втянуть лакая);

3) ради замены близкого по значению, но не подходящего по стилистической окраски слова («голосатый» вместо «голосистый», «голубень» вместо «голубизна»);

4) ради создания ассоциативных значений («звень» ср «звон», «стозвон» ср. «стон»);

5) ради стилизации (придать ч-н. признаки, черты к-н. стиля, имитировать черты к-н эпохи, жизни народа, жанра) обычно фольклорную речь («вбряк», «выцветень»).

Особую категорию в идиолекте С. Есенина составляет церковная лексика.

*Ты сядешь или нет в вагон,
Чтобы присутствовать на свадьбе похорон
И спеть последнюю
Печаль мне «аллилуйя». (с. 338)*

Аллилуйя(церк.) – хвала господу, хвалите господа. Или:

*Колокол луны скатится ниже,
Он, словно яблоко, увянувшее, мал
Благовест лучей его стал глух. (с. 196)*

Благовест(церк.) – звон в колокол перед началом церковной службы. В образном смысле – приветствие чего-то радостного и значительного.

В лирике С.Есенина как представителя новокрестьянской поэзии заметное место принадлежит диалектизмам, ср.:

*Плачет леший у сосны –
Жалко летошней весны.
Ой купало, ой купало,
Жалко летошней весны. (с. 80)*

Летошней(обл.) – прошлогодней, относящейся к прошлому лету или году. Или:

*Сыть ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу
По полю забистым бегом
Пеной я цвет разнесу. (с. 26)*

Забистый(обл.) – волнообразный, колеблющийся.

*Оттого-то выросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой (с. 167)*

Тужиль (обл.) – тоска, грусть

Встречаются в текстах стихов С.Есенина и просторечные слова, ср.: .

Я хочу жить, жить, жить,

Жить до страха и боли,

Хоть карманником, хоть золоторотцем. («Пугачев»)

Золоторотец(простор.) – босяк, оборванец. Также:

В теоретической полемике с эстрад, а таковая постоянно возникала на вечерах, показывала литературных группировок в течение, споры то и дело сводились к словесной дуэли между футуристами и поборниками первородности образа, а также провозвестниками «поэзии класса победителя» (словом, те, кто проповедовал подчинение искусства нуждам идеологической агитации: к таковым причисляли Маяковского).

Подобные дуэли, разряжавшие накипи страстей, были характерны для атмосферы минутных диспутов. Истинным гигантом полемики был В. Маяковский. Есенин начал ему противостоять поначалу – с позиций имажинистов, развивая концепцию слова-образа. Однако в последующем, отделившись от имажинистов, он оставался верен своей поэтике.

Лирический талант Сергея Есенина заметен и в оформлении строк, строф и отдельных стихотворений, в так называемой поэтической технике. Отметим прежде всего словесное своеобразие поэта: радость и горе, буйство и печаль, наполняющие его стихи, он выражает многословно, добиваясь выразительности в каждом слове, в каждой строке. Поэтому обычный размер лучших его лирических стихотворений редко превышает двадцать строк, которых ему достаточно для воплощения подчас сложных и глубоких переживаний или создания законченной и яркой картины.

Несколько примеров:

Не дали матери сына,

Первая радость не впрок.

И на колу под осиной

Шкуру трепал ветерок (с. 75)

Две последние строки не только поясняют первые, имеющиеся в них метонимическое уподобление содержит целую картину, характерную для сельской жизни. Шкура на колу – знак совершённого убийства, остающегося за пределами стихотворения.

Чуток поэт и к краскам, имеющимся в самом слове или в ряде слов. Коровы говорят у него “на кивливом языке”, капуста “волноватая”. В словах слышится переключка кив - лив, вол – нов, во - ва.

Звуки как бы подхватывают и поддерживают друг друга, сохраняя заданное звуковое оформление строки, её мелодию. Особенно это заметно в гармонии гласных: твою озёрную тоску; в терем тёмный, в лес зелёный.

Строфа у поэта обычно четырёхстрочная, в которой каждая строка синтаксически закончена, перенос, мешающий напевности, - исключение. Четырёх - и двухстрочные строфы не требуют и сложной системы рифмовки и не дают её многообразия. По своему грамматическому составу рифмы Есенина не одинаковы, однако заметно тяготение поэта к точной рифме, придающей особую гладкость и звонкость стиху.

Выводы по второй главе

Сложная и интересная судьба поэта, множество путешествий, смена мест и образа жизни в сочетании с творческим подходом к осмыслению действительности обусловили богатство и разнообразие тем и мотивов лирики Есенина. Детство и юность его прошли в селе Константиново, на берегу Оки, в крестьянской семье; основной темой ранней лирики Есенина "закономерно становится описание природы, родных картин, пейзажей, проникнутых теплотой, близких с детства, знакомых, любимых. При этом многие явления природы поэт олицетворяет, видит в них живое, разумное начало, приписывает растениям качества животных.

Переезд в Москву, скандальная жизнь, несколько наигранное поведение, эпатаж обусловили расхождение, двойственность тем-Есенина: с одной стороны, именно эпатажная лирика (“Я нарочно иду нечесаный...”), с другой — воспоминания о родном селе, жизни в нем как о самом светлом периоде. Тема Родины получает развитие в стихотворениях “Письмо матери”, “Русь советская”, “Русь уходящая”, “Возвращение на Родину”. Революционные преобразования, произошедшие в деревне, поэт воспринимает с долей трагизма; ведь ушедшие времена невозвратимы, невозвратима и светлая, беззаботная жизнь; Есенин чувствует утрату связи с родным краем, где теперь “поют агитки Бедного Демьяна”:

Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец (с. 295).

Последние стихотворения поэта опять же трагичны, в них звучит мотив неразделенной, несчастной, безответной любви.

Любовь — это одно из необходимых условий человеческого счастья, и понимание человеком сущности счастья обычно с возрастом изменяется, так же как и понимание любви.

Поэтика С.Есенина отличается самобытностью. Большое место в творчестве Есенина занимают эпитеты, сравнения, повторы, метафоры. Они используются как средство живописи, передают многообразие оттенков природы, богатство ее красок, внешние портретные черты героев (“черемуха душистая”, “рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани”, “во мгле сырой месяц, словно желтый ворон, вьется над землей”). Немаловажную роль в поэзии Есенина, как и в народных песнях, играют повторы. Они используются для передачи душевного состояния человека, для создания ритмического рисунка. Есенин употребляет повторы с перестановкой слов.

Также, подобно большинству поэтов его эпохи С. А. Есенин был новатором в области формы, и лексика его отличается большим

многообразием. Это обширные группы слов - диалектизмы, неологизмы, историзмы, отчасти архаизмы. Чаще всего поэт прибегает к неологизмам:

1) ради усиления фонетической выразительности текста, например создание или усиление аллитерации («гарк», сущ.; «среброзвонный»);

2) ради стяжения описательного выражения – путем приставочного словообразования («безвлажный» - лишенный влаги, «безгладь» - отсутствие глади) или контаминации двух слов («буйница» - буйная вольница, «влакать» - втянуть лакая);

3) ради замены близкого по значению, но не подходящего по стилистической окраски слова («голосатый» вместо «голосистый», «голубень» вместо «голубизна»);

4) ради создания ассоциативных значений («звень» ср «звон», «стозвон» ср. «стон»);

5) ради стилизации (придать ч-н. признаки, черты к-н. стиля, имитировать черты к-н эпохи, жизни народа, жанра) обычно фольклорную речь («вбряк», «выцветень»).

ГЛАВА 3. ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С.А. ЕСЕНИНА

3.1. Место диалектной лексики в поэзии С.А. Есенина

Любовь к родному краю, к землякам, к близким людям, жизнь которых связана с рязанской землей, запечатлена поэтом в его стихах; в картинах сельской жизни, в изображении русской природы, русских крестьян, их внешнего облика, их обычаев, их дум и надежд. Содержание стихов, их тематика потребовали соответствующего словесного выражения, и Есенин широко вводит в свои произведения диалектную лексику, местный рязанский словарь, использует диалектные грамматические формы, воспроизводит особенности местного звучания, включает свойственные рязанской речислогообразовательные явления.

Основная функция диалектизмов в литературных произведениях - создание местного колорита. Вот раннее стихотворение С. А. Есенина (1914), где для изображения природы родного рязанского края поэт использует привычные с детства областные, местные слова:

*Черная, потом пропахшая выть,
Как мне тебя не ласкать, не любить.
Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.
Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпъ камыши.
Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.
Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.
Где-то вдали, на кукане реки,*

Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...

Грустная песня, ты - русская боль.

В этом стихотворении много слов, которые можно назвать редкими. Среди них немало явных диалектизмов, требующих пояснения: выть (участок, доля, надел пахотной земли), гать (настил, насыпь на болоте), веретье (широкое полотно из брезента, сурового домотканого холста), таган (железный обруч на ножках, под которым разводят огонь, ставя на него вареву), кукан (островок, появляющийся во время спада воды в реке) [5]. Эти слова относятся к одному семантическому полю: все они отсылают к каким-то деталям пейзажа, как и похожие по принципам словообразования хлюпь, лужная голь (очевидно, авторские неологизмы, значение которых понятно). Остальная лексика – общеупотребительная, часто - экспрессивная (глаголы ласкать, любить, льнуть к сердцу). Богата цветовая гамма: черная выть, синяя гать, серое веретье шалашей, красные таганы, белые веки луны, пятна зари, олово лужной голи. Зрительные образы дополняются слуховыми: глухо баюкают хлюпь камыши; сказ старика, что слушают косари; дремная и грустная песня рыбаков.

Чтобы картина стала для читателей полностью понятной, нужно, конечно, "перевести" диалектизмы - с рязанского на общерусский. Но само их присутствие в тексте подчеркивает: Есенин пишет не о русской природе и "русской боли" вообще, но о своей малой родине, где пашню называют вытью (впервые стихотворение было напечатано под заглавием "Выть"). Парные мужские рифмы: выть/любить, гать/благодать, лужная голь / русская боль - закрепляют в памяти читателя ключевые слова, выделяют их ритмически.

Читая стихотворение, мы не только "видим" и "слышим" летний вечер в рязанской деревне; возникает подспудно и образ самого повествователя

(лирического субъекта) - местного уроженца, влюбленного в свой край и в его особый язык.

Диалектная лексика представлена в стихах поэта очень широко и многогранно. Местные слова оказываются нужными художнику как для описания предметов деревенской жизни и воспроизведения речи крестьян, так и для создания ярких и глубоких, точных и оригинальных эпитетов, метафор, сравнений.

Среди диалектизмов в стихах Есенина основную часть составляют слова, употребляемые в рязанских говорах, в частности в говоре села Константинова Рыбновского района Рязанской области, – села, в котором родился и вырос Есенин и связь с которым не прерывал всю жизнь. Поэтическая речь Есенина содержит как диалектизмы, известные во многих русских говорах, нередко встречающиеся в произведениях русских писателей, а потому понятные читателю, не затрудняющие восприятия текста (лежанка, цеп, рушник, проулок, дуброва, приступка, кличут, шибко, аль и т. п.), так и местные слова, смысл которых без специального толкования неясен, содержание которых не выявляется даже в широком контексте (поветь, свей, выть, кукан, веретье, драчёна, подожок, кулижка, бластиться, косники и др.).

В поэзии С. А. Есенина мы встречаем очень большое количество диалектизмов, а особенно в его патриотической лирике, где он описывает свою любимую Русь. Но должна ли быть "мера" в использовании диалектизмов и какова она? Какое стихотворение Есенина лучше: "Черная, потом пропахшая выть!.." или "Я иду долиной. На затылке кепи..." , где лирический герой убежден, что он "свойский" и дорожит "памятью деревни", несмотря на "свой костюм английский", несмотря на чисто литературную – без диалектизмов – лексику? Перечеркивает ли новый этап в творчестве поэта его ранние стихи? Вопросы, по-видимому, риторические.

В 1915 г. Н. А. Клюев предостерегал Есенина от упоения успехом: "Твоими рыхлыми драченами объелись все поэты, но ведь должно быть тебе понятно, что это после ананасов в шампанском. Я не верю в ласки поэтов-книжников..."[6, с. 239]. Но несмотря ни на что, "драчены", и "выть" выдержали испытание временем.

3.2. "Тёмные места" в лирике С. Есенина

Изображение природы родного края, нравов и обычаев рязанских «мужиков и баб», их быта, их надежд, их чувств не было бы таким достоверным, если бы не соответствующее языковое выражение: в есенинских стихотворениях и поэмах немало местных рязанских слов.

Диалекты в творчестве С. Есенина – это причудливая смесь старославянской книжной лексики, народного языка и говора рязанской деревни.

Сам поэт об этом говорил следующее: "В первом издании у меня много местных, рязанских слов. Слушатели часто недоумевали, а мне это сначала нравилось. "«Что это такое значит, – спрашивали меня:

Я странник улогий! В кубетке сырой.»Потом я решил, что это ни к чему. Надо писать так, чтобы тебя понимали. Вот Гоголь: в «Вечерах» у него много украинских слов – целый словарь понадобилось приложить, а в дальнейших своих малороссийских повестях он от этого отказался. Весь этот местный рязанский колорит я из второго издания своей «Радуницы» выбросил" [24, с. 452].

Но все же диалектизмы активно живут в поэтическом слове Есенина. По-особому вплетённые в ткань его стихотворной речи, они помогают создать неповторимый творческий почерк поэта. Диалектная лексика у Есенина стилистически не маркирована. Для современного городского

школьника совершенно загадочно звучат строки некоторые С.Есенина. Рассмотрим их и мы.

Часто читатель даже не замечает, что ему приходится подбирать значение для непонятого слова, исходя из его фонетической формы и контекста. Не всегда «угаданное» значение соответствует действительному. Иногда диалектные слова превращают стихотворение в настоящую головоломку:

В санках озера над лугом
 Запоздалый окрик уток.
 Под окном от скользких елей
 Тень протягивает руки.
 Тихих вод парагушквелый
 Курит люльку на излуке.

Как пишет Н. Шанский в статье «Трудные строки лирики С. Есенина», это "совершенно непонятное, темное восьмистишие" [31, с. 18]. Оказывается, "в санках озера" означает "по краям озера", слово "парагуш" не означает ничего, так как это – опечатка. Правильно было "карагушквелый" – название птицы. Показательно, что эта опечатка воспроизведена во многих изданиях, так как для большинства читателей эти строки лишь набор звуков, то есть заумь.

Чем руководствуется поэт, осуществляя свой окончательный выбор, часто остается загадкой. Далеко не всегда он делает выбор в пользу смысла:

Как же мне не прослезиться,
 Если с венкой в стынь и звень
 Будет рядом веселиться
 Юность русских деревень.

В черновиках можно найти содержательно более прозрачные варианты: "если бойко в стынь и звень" и "если рядом в стынь и звень". Очевидно, что выбор не обусловлен потребностями версификации. Возможно, поэт

чувствовал, что непонятное слово не станет для читателя непреодолимым препятствием, так как наполнится "кажущейся семантикой"[31, с. 53].

В поэзии Сергея Александровича мы не единожды встречаем слово корогод:

А у наших у ворот

Пляшет девок корогод.

Корогод употребляется в южно-российских говорах, как искаженное от хоровод; в рязанских, в частности, говорах это слово употребляется как толпа, толпиться. Старожилы села Константинова употребляют в разговорах и слово корогод, и измененное корогодиться, т.е. собираться толпой, толпиться.

Но посмотрим на другое стихотворение:

И гудит за корогодом

На лугах веселый пляс.

Если корогод толкуется как искаженное от хоровод, то в таком случае более чем странными кажутся цитируемые есенинские слова: на лугах гудит веселый пляс за... пением и плясками. Ведь хоровод – название древней славянской игры, участники которой идут по кругу с пением и плясками.

Значит, можно сделать только следующий из логики слов вывод: предложно-падежная форма за корогодом у поэта имеет здесь совсем другое значение, нежели за хороводом.

И это значение, несомненно, пространственное, такое же, каким оно является у предложно-падежного сочетания на лугах. Где же гудит веселый пляс? В словарях приводится еще одно значение этого слова: корогодом зовут целый ряд, порядок чего-либо [5, с. 753]. На лугах, за корогодом, т. е. за порядком – за домами, образующими улицу.

Диалектные слова позволяют поэту ярко, образно рисовать картины деревенского пейзажа, изображать родную "чахленькую местность" и

преображённую цветением весны, красками лета, радостным настроением "страну берёзового ситца".

Быть дождю, - решают в пересуде, -

Небо в куреве, как хмаровая близь.

Сразу возникает вопрос: что значит хмаровая?

Это слово отдаленно напоминает украинское "хмара", что означает облако. Следовательно, можно сделать вывод, что близь облачная. Это почти верно. В родном селе поэта это слово активно использовалось в значении "сумрачная".

Обратимся к другому стихотворению:

По дороге идут богомолки,

Под ногами полынь да комли.

Раздвигая щипульные колки,

На канавах звенят костыли.

Для современного человека остается загадкой, что же такое "щипульные колки". Словосочетание крайне неясное. На помощь читателю приходит

Н.Клюев. В своем сочинении «Словесное древо» он приводит «Словарь местных, старинных и редко употребляющихся слов». Он дает такое толкование этому выражению: "шипы шиповника"[14, с. 67].

Несколько раз встречается в стихах Сергея Есенина существительное «ВЫТЬ».

Чёрная, потом пропахшая выть!

Как мне тебя не ласкать, не любить?

Как бы я и хотел не любить,

Всё равно не могу научиться,

И под этим дешёвеньким ситцем

Ты мила мне, родимая выть!

В константиновском говоре слово выть многозначно: это и название

50-60 дворов, которым выделялись общие участки земли для пахоты и покоса, и название участка земли, отведённого выти. Сестра С. Есенина А. А. Есенина в своих воспоминаниях пишет: "Всё село делилось на выти. В каждую выть входило 50-60 дворов, и все полевые и луговые земли делились вначале по вытям, а затеи уже по душам"[8, с. 54].

Детально, подробно, точно описаны Есениным крестьянская изба с населяющими её предметами, двор с многочисленными хозяйственными постройками, деревенская улица. Описание потребовало от поэта употребления множества этнографизмов – "местных названий местных вещей". В великолепном стихотворении Есенина «В хате» употреблены многие из указанных диалектизмов, именно они дали возможность поэту так конкретно и осязаемо изобразить крестьянскую избу, что она предстает перед нами как будто созданная мастером живописи, а не художником слова.

*Пахнет рыхлыми драконами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.
Вьется сажка над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою –
Шелуха сырых яиц.
Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко,
Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.*

*А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.*

С.А. Есенин, по свидетельству современников, очень любил читать это стихотворение в 1915–1916 гг. перед публикой. Литературовед В.Чернявский вспоминает: «...Ему пришлось разъяснять свой словарь, – вокруг были "иностранцы", – и ни "паз", ни "дежка", ни "улогий", ни "скатый" не были им понятны» [34, с. 25]. Поэт–уроженец села Константиново Рязанской губернии – часто употреблял в произведениях свои, рязанские слова и формы, непонятные жителям города, тем, кто знаком только с литературным языком. Их-то Чернявский называет "иностранцами". К иностранцам относится большинство из нас. Непонятными в тексте стихотворения выступают не только рязанские слова, т.е. непосредственно диалектизмы, но и такие выражения, которые характеризуют быт любой деревни (хомут, соха, печурка, заслонка). По подсчетам Н.М.Шанского, в стихотворении 54 самостоятельных слова и "по меньшей мере пятая их часть нуждается в объяснении. К требующим толкования, несомненно, относятся слова драчены – запеченные лепешки на молоке и яйцах из пшенной каши и картошки, дёжка – кадка, печурка – похожее на русскую печь углубление в ее боковой стене, куда ставят или кладут что-либо, чтобы оно было сухим или теплым (таких углублений обычно несколько), паз – узкая длинная щель между неплотно пригнанными кирпичами, заслонка – железный лист с ручкой, закрывающий выходное отверстие (устье) в русской печи, попелица – зола ,ухват – приспособление (на длинной деревянной ручке) для подхватывания посуды, чтобы поставить ее в русскую печь или, наоборот, достать ее оттуда , махотка – вид горшка (для молока, кваса и т.д.), скатые – с наклоном. Основная масса перечисленных словесных "чужаков" – диалектизмы, "родимые пятна" родного поэту рязанского говора"[31, с. 49].

*Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.*

В Константинове лежанкой называют печь-голландку, которая устанавливается посередине избы и служит для ее обогрева. Некоторые жители села вспоминают, что действительно был небольшой выступ из печи, т.е. припечек, на нём можно было расположиться или, сидя или полулёжа. Впоследствии эту пристройку убрали, как ненужную, но название лежанка за печью сохранилось. В избе была ещё большая русская печь, с местом для лежания. В Константинове её называли просто печью. По этому в стихах С.А. Есенина оправдано употребляется предлог у, т.е. возле лежанки (голландки) и на, т.е. сверху лежанки (русской печи). В настоящее время в некоторых старых домах села сохранились печи с местом для лежания.

*У погребки с маткой поросята,
Рядом с замесью тухлявая лоханка.*

Нам отдаленно знакомо слово лоханка и при чтении возникает образ корыта для воды, которое используется для стирки. Но тогда встает вопрос: при чем здесь замесь и поросята? В Константинове лоханкой называют деревянное корыто из которого кормят скот. Иногда и сейчас это слово можно услышать в говоре местных жителей.

Слово погребка тоже, на первый взгляд, кажется понятным, но возникают сомнения по поводу формы употребления этого слова. Итак, в нашем понимании, погребка тоже, что и погребок, то есть погреб, но в родном селе поэта это слово употреблялось в несколько ином значении: строение над погребом для хранения зерна, сплетено из ивовых веток и обмазано глиной.

Лексические диалектизмы помогают Есенину характеризовать героев-крестьян, обычно земляков поэта, жителей рязанского села Константинова и близлежащих деревень. Есенин рисует одежду крестьян, употребляя названия деревенского распространения:

С чурбака, как скатный бисер, мухи

Улетают к лесу-шушуну.

Итак, изначально шушун – теплая кофта, женская рубашка или короткополое платье, сарафан, телогрея, душегрейка. Часто шушун шился из сукна или холста и подбивался мехом. Поэтому очень скоро шушуном стали называть и шубейки. Таким образом, в разных областях России шушуном называли все-таки разные типы одежды, объединяло их общее – это была достаточно теплая верхняя одежда. В приведенном отрывке Есенин употребляет слово шушун в таком значении: повседневная теплая удлиненная одежда из овчины, покрытая сукном.

Диалектизмы мы также встречаем и в других видах лирики поэта. Вспомним строки из стихотворения «Письмо к матери»:

Что ты часто ходишь на дорогу

В старомодном ветхом шушуне.

Почему же здесь Есенин пишет о ветхости шушуна? Дело в том, что годом написания этого известного стихотворения числится 1924-й. К этому времени шушун имел все основания быть ветхим и считаться старомодным.

Перечитывая стихотворение рязанского поэта «Страрухи», мы встречаем еще одно непонятное для нас слово:

Подтыкают пестрые поневы

И таращат веки без ресниц.

Панёва–женская шерстяная юбка, которую носили крестьянки. По её внешнему виду можно было судить о возрасте женщины. Её носили как повседневную одежду. Сейчас в некоторых районах Рязанской области сохранился этот вид одежды.

А в стихотворении «Дед» мы встречаем и такое слово:

Черепки в огне червонца.

Дед - как в жамковой слюде,

И играет зайчик солнца

В рыжеватой бороде.

Что же такое жамковая? В рязанских говорах это означало глазурь на прянике: жамковая слюда. В настоящее время сохранилось слово жамка в значении пряник.

Некоторые диалектизмы, которые использует С.А. Есенин – общерусские, некоторые – чисто рязанские, константиновские.

Приведенные мною примеры – лишь малая часть употребления диалектизмов в ранних произведениях С.А. Есенина. Диалектные слова и формы используются поэтом естественно и легко. Они придают его поэтической речи выразительность, делают его образы запоминающимися и неповторимыми.

Большинство из диалектных слов, употреблённых Есениным, не имеет лексических соответствий, дублетов в литературном языке, так как называет явления, предметы, встречающиеся в крестьянском быту, имеющие нередко узкое территориальное распространение или, если территория велика, в разных говорах неодинаковое наименование (клеть, застреха, закут, махотка, кукан, посолонка, кулижка, выть и многие другие).

Но поэт нередко отдаёт предпочтение диалектному слову и в том случае, если оно имеет смысловую параллель в литературном языке: девка – девушка, шелуха – скорлупа, приступка – ступенька, хорониться – прятаться, погост – кладбище, желанный – сердечный, камашки – мошки, шибко – сильно, очень и т. п. Диалектные и литературные явления такого типа, совпадая в основном своём значении, отчётливо противостоят друг другу в стилистическом отношении. И диалектные формы точнее вписываются в общее содержание стиха, углубляют конкретность изображаемого.

3.3. Диалектные формы в синонимических и антонимических построениях у С. А. Есенина

Диалектные формы могут быть включены в состав синонимических построений.

Оригинальные, необычно построенные синонимические ряды являются одной из наиболее выразительных примет языка любого мастера художественного слова. Сочетание общеупотребительных, нейтральных и стилистически ограниченных, окказиональных по структуре и сочетаемости, метафорически наполненных, выделенных в тексте синонимов присуще есенинским стихам.

Синонимы в поэтической речи Есенина многочисленны и разнообразны, часто неординарны. Например, в синонимическую цепочку к существительному небо включены книжное небосклон (Брезжит свет на заводи речные/ И румянит сетку небосклона.) и контекстуально-ситуативные синонимы, построенные на основе сравнения: крыша небесная – вода синяя – голубая пыль – голубая трава – небесный песок – трава небесная – и неожиданное сочетание голубой живот:

*Чтобы зёрна под крышей небесною
Озлащали, как пчёлы, мрак.
Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха.
За тёмной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягнёночек кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.
О боже, боже, это глубь –*

Твой голубой живот.

Златое солнышко, как пуп,

Глядит в Каспийский рот.

Мы можем назвать массу синонимов к слову метель: метелица, вьюга, пурга, буран, завирюха, поземка и т.д. Все эти существительные есть в стихах Есенина. Но вот как рисует он метель: "Визжит метель, Как будто бы кабан, Которого зарезать собрались..." ; "Метель ревела. Под оконцем, Как будто бы плясали мертвецы..."; "Плачет метель, как цыганская скрипка"; а также метельный вой, метельные всхлипы, визг метели и др.

В группе синонимов может присутствовать две и несколько диалектных единиц (разных типов): "Плачет леший у сосны – Жалко летошней весны..."; "Много лонешнего смолота В закромах его затулено...". Летошний, лонешний в рязанских говорах – «прошлогодний».

В синонимической группе, обозначающей палку для опоры при ходьбе, у Есенина объединены слова посох, клюка (клюшка), костыль, подожок: "По тропке, опершись на подожок, Идёт старик, сметая пыль с бурьяна". Существительное подожок – типичный лексический диалектизм, свойственный константиновскому говору. Его синонимы костыль и клюшка "По дороге идут богомолки...на канавах звенят костыли; Увидал дед нищего дорогой На тропинке, с клюшкою железной..." в словарях имеют пометы устар., прост., но в речи современниц Есенина они активно употреблялись и обычно обозначали палку с загнутым верхним концом, но могли обозначать и просто прямую палку для ходьбы. Слово посох в этом ряду "Ваши души к подорожью Тянет с посохом сума" – литературное, книжное.

Диалектным «двойником» литературного слова пиджак служит в речи Есенина существительное костюм, которое в рязанских говорах и просторечии обозначает не только комплект одежды, но и один пиджак. Например:

К чёрту я снимаю свой костюм английский.

*Что же, дайте косу, я вам покажу –
Я ли не вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?*

Здесь имеется в виду, конечно, пиджак. Второй член синонимической пары (пиджак) тоже встречается у Есенина:

*Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел.*

Слово пиджак явно не лаконизм, но его сочетание с глаголом раздел возвращает нас к особенностям местной речи: пиджак раздел – специфически рязанское противопоставление литературной норме.

Одним из членов синонимического противопоставления Есенина может стать диалектное слово, совпадающее с общеупотребительным в звучании, но имеющее иное значение, так называемый лексико-семантический диалектизм. В стихотворениях Есенина таких лексико-семантических диалектизмов немного, но их совпадение с общеизвестными словами может вызвать у читателей непонимание текста, неточное восприятие содержания.

Также в стихотворении «Я иду долиной...» слово весна – в рязанских говорах "тёплое время года вообще, т.е. весна и лето", поэтому крестьяне и косят в июне "под весенним солнцем, под весенней тучкой". Можно привести также следующие примеры:

Задымился вечер, дремлет кот на брус.

Кто-то помолился: "Господи Иисусе".

Здесь брус – часть полатей, отгороженная поперечной доской и предназначенная для хранения хлебов. Полати расположены вверху, под потолком, между печью и стеной. Это одно из самых тёплых мест в избе.

Диалектные и просторечные формы встречаются и в антонимических построениях: "Близко, а может, гдей-то Плачет весёлая флейта...". Эти контрастные пары естественно вписываются в выразительную, экспрессивно весомую череду созданных поэтом антонимов и оксюморонов: "Над окошком месяц. Под окошком ветер"; "Есть тоска весёлая в аlostях зари"; "Плачет смехом бубенец"; "Присутствовать на свадьбе похорон" и др.

Что касается местных, рязанских, слов, то они используются поэтом, как правило, для речевой характеристики героев, при выделении стилистически отмеченной формы, при воспроизведении народнопоэтической интонации и т.п.:

*Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба
И с хрустом мысленно кусаю огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы.*

3.4 Метрическая функция диалектизмов в поэзии С.А. Есенина

Лексические и семантические диалектизмы широко используются Есениным в системе создаваемых им образов, включаются в состав различных тропов, составляют основу метафор, сравнения, олицетворения. Необходимо совершенно точно понимать значение диалектного слова, так как только тогда станет ясен образ, созданный поэтом, только тогда поразит воображение сила остроты, с которой воспринимал окружающий мир Есенин, которая была свойственна его поэтической натуре.

Помимо названных функций, диалектизмы выполняют иногда и метрическую функцию, помогая поэту оформить стихотворную строку:

*Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытю тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц*

Надону на земную ось.

Месяц /свесюсь – свежая необычная рифма, такие ассоциации возможны только у поэта, слышащего диалектную речь, широко использующего ее в своих произведениях.

Местное ударение тоже служит основой для построения строфы: веселУ – селУ, низкУ – молокоУ и мн.др. Заметим, что ударение в наречиях на конечном слоге типично для рязанской речи: низкУ, веселУ, беднУ, холоднУ.

Иногда фонетическое строение диалектного слова оказывается более удобным для поэта при организации стиха. Использование количественно неравных вариантов (полногласных/неполногласных форм, инфинитивов типа принесть, цвель и т.д.) было одним из принципов теории "поэтических вольностей". У Есенина число таких версификационных пар увеличивается за счёт территориально ограниченных звуковых единиц: судорога /судорга, голенище /гленище, прямо / прям и т.д.: "Бросаю в небо, свесясь, Из голенища нож..." . Явно слышится "прям" во второй строке стихотворения «Вот уж вечер. Роса...»:

От луны свет большой

Прям на нашу крышу.

Где-то песнь соловья

Вдалеке я слышу.

Конечно, употребление формы "прям" в стихотворениях начинающего поэта связано с тем, что ему ещё не хватает мастерства, и отличается от выразительно насыщенного "окол" в «Песне о великом походе» (1924 г.): "А за Белградом, окол Харькова...". Но в обоих случаях стихотворные строки включают диалектные, ненормативные созвучия. Рязанское стяжение гласных, эллипс одного из гласных, воспроизведено Есениным в словоформе "на одной". Отчётливо ощущается "лишний" гласный, размер требует произнесения [надной]:

*Хороша бестуманная трель его,
 Когда топит он боль в пурге.
 Я хотел бы стоять, как дерево,
 При дороге на одной ноге.
 Для сравнения:
 Я не скоро, не скоро вернусь!
 Долго петь и звенеть пурге.
 Стережёт голубую Русь
 Старый клён на одной ноге.*

Иногда поэт "совмещает" удобный версификационный вариант – диалектное звучание слова и построенную на его основе особую, окказиональную рифму.

В стихотворении «Скупались звёзды в невидимом бреде...» использованы диалектное дуля "груша" в форме именительного падежа множественного числа (дули) и его омофон – глагол дули:

*Блестятся гусли весёлого лада,
 В озере пенистом моется лада.
 Груды упруги, как сочные дули,
 Ластится к вихрям, чтоб в кости ей дули.
 Тает, как радуга, зорька вечерня,
 С тихою радостью в сердце вечерня.*

В приведённом тексте обратим внимание на первое предложение. Сомнение вызывает буква е в глаголе блестятся. "Звуки гуслей чудятся, кажутся, мерещатся". Это значение передаёт диалектизм бластится: "Ей всё бластился в колючем дыме выстрел..."; "В роще чудились запахи ладана, В ветре бластились стуки костей...". Сам поэт, объясняя местные слова в последнем стихотворении, написал: "Бласт... Видение". Вероятно, в многочисленных изданиях произведений Есенина допускается неточность.

Удобным "строительным материалом" для есенинских стихов служат и диалектные словообразовательные модели. Стилистическая маркированность таких форм как противопоставленных литературной норме обычно поэтом не подчёркивается. Приведём лишь несколько примеров: ввечеру, вдогон, цвет, яблонный ("У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру"; "Мне вдогон смеялась речка"; "Зацелую допьяна, изомну, как цвет"; "Словно яблонный цвет, седина") и мн. др.

Факт употребления С.А. Есениным различных синонимических построений можно расценивать как проявление творческого художественного подхода к организации композиционно-речевой структуры текста. В таком подходе проявляется ориентация автора на отбор средств общенародного языка, отношение к народу как к носителю духовных ценностей русской культуры, закрепившему в языке многовековой опыт, наблюдательность, образное освоение действительности.

Диалектизмы, родная рязанская речь, органично влившаяся в общий поток поэтического слова Есенина, позволяют ему "петь по-свойски", самобытно, делают его поэзию "наилучшим выражением широких закатов за Окой и сумерек в сырых лугах, когда на них ложится не то туман, не то синеватый дымок с лесных гарей" [20, с. 28].

Диалектная лексика, как правило, необычайно выразительна в поэтической речи Есенина. Она органично включается в стихотворную ткань, создает особое стилистическое своеобразие, отличающее есенинское творчество, подчёркивает яркую индивидуальность этого великого русского поэта.

Выводы по третьей главе

В результате проведённого анализа использования диалектной лексики в произведениях С.А. Есенина мы пришли к следующим выводам. Диалектная лексика – наиболее распространённое средство создания

национального или – уже – местного колорита в традициях русской литературы. Певец «страны берёзового ситца», хорошо знавший народный язык, часто использовал его как в стихотворных, так и прозаических произведениях, поскольку именно местная, диалектная лексика в ряде случаев способна передать самые душевные интонации, в том числе и «нежность грустную русской души». Факт употребления С.А. Есениным данного пласта лексики можно рассматривать как проявление творческого художественного подхода к организации композиционно-речевой структуры текста. В таком подходе проявляется ориентация автора на отбор средств общенародного языка, отношение к народу как к носителю духовных ценностей русской культуры, закрепившему в языке многовековой опыт, наблюдательность, образное освоение действительности.

Итак, на примере произведений С.А. Есенина было показано многообразие использования диалектной лексики в художественной литературе. Были даны толкования ряда диалектизмов, прояснены некоторые «тёмные места» в лирике. В работе раскрыта роль диалектизмов конкретно в творчестве Есенина и в целом в художественной речи. Задачи, стоящие перед нами в начале работы выполнены. Изучение данной темы в очередной раз показало, насколько глубок, неисчерпаем и богат русский язык и насколько искусно, умело пользовались им великие писатели и поэты русской литературы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русские народные говоры, или **диалекты** (гр. *dialektos* - наречие, говор), имеют в своем составе значительное количество самобытных народных слов, известных только в определенной местности. Так, на юге России рогач называют *ухватом*, глиняный горшок - *махоткой*, скамью - *услон* и т. д. Диалектизмы бытуют, в основном, в устной речи крестьянского населения; в официальной обстановке носители диалектов обычно переходят на общенародный язык, проводниками которого являются школа, радио, телевидение, литература.

В диалектах запечатлелся самобытный язык русского народа, в отдельных чертах местных говоров сохранились реликтовые формы древнерусской речи, которые являются важнейшим источником восстановления исторических процессов, затронувших когда-то наш язык.

Диалекты отличаются от общенародного национального языка различными чертами - фонетическими, морфологическими, особым словоупотреблением и совершенно оригинальными словами, неизвестными литературному языку. Это дает основание сгруппировать диалектизмы русского языка по их общим признакам.

1. **Лексические** диалектизмы - слова, известные только носителям диалекта и за его пределами не имеющие ни фонетических, ни словообразовательных вариантов. Например, в южнорусских говорах бытуют слова *буряк (свекла)*, *цибуля (лук)*, *гуторить (говорить)*; в северных - *кушак (пояс)*, *баской (красивый)*, *голицы (рукавицы)*. В общеупотребительном языке эти диалектизмы имеют эквиваленты, называющие тождественные предметы, понятия. Наличие таких синонимов отличает лексические диалектизмы от других типов диалектных слов.

2. **Этнографические** диалектизмы - слова, называющие предметы, известные лишь в определенной местности: *шанежки*- 'пирожки,

приготовленные особым способом', *дранки* - 'особые оладьи из картофеля', *нардек* - 'арбузная патока', *манарка* - 'род верхней одежды', *понёва* - 'разновидность юбки' и т. д. Этнографизмы не имеют и не могут иметь синонимов в общенародном языке, так как сами предметы, обозначенные этими словами, имеют локальное распространение. Как правило, это предметы быта, одежда, кушанья, растения и под.

3. **Лексико-семантические** диалектизмы - слова, обладающие в диалекте необычным значением: *мост* - 'пол в избе', *губы* - 'грибы всех разновидностей, кроме белых', *кричать* (кого-либо) - 'звать', *сам* - 'хозяин, муж' и т. д. Такие диалектизмы выступают в качестве омонимов к общенародным словам, употребляемым с присущим им в языке значением.

4. **Фонетические** диалектизмы - слова, получившие в диалекте особое фонетическое оформление *цай* (*чай*), *чепь* (*цепь*) - следствия "цоканья" и "чоканья", свойственных северным говорам; *хверма* (*ферма*), *бамага* (*бумага*), *пашипорт* (*паспорт*), *жисть* (*жизнь*) и под.

5. **Словообразовательные** диалектизмы - слова, получившие в диалекте особое аффиксальное оформление: *певень* (*петух*), *гуска* (*гусыня*), *телок* (*теленок*), *земляница* (*земляника*), *братан* (*брат*), *шуряк* (*шурин*), *дарма* (*даром*), *завсегда* (*всегда*), *откуль* (*откуда*), *покеда* (*пока*), *евонный* (*его*), *ихний* (*их*) и т. д.

6. **Морфологические** диалектизмы - не свойственные литературному языку формы словоизменения: мягкие окончания у глаголов в 3-м лице (*идеть, идуть*); окончание *-ам* у существительных в творительном падеже множественного числа (*под столбам*); окончание *е* у личных местоимений в родительном падеже единственного числа: *у мене, у тебе* и др.

В живой речи употребление диалектизмов не оправдано даже как характерологическое средство, если автор приводит слова героев, сказанные в официальной обстановке. Например: ...*Надо своевременно доглядеть*

животное, поставить в известность ветеринарную службу; Шефы приносят продукты, мосты вымоют, белье в прачечную сдадут. А иногда и просто повечерять зайдут (речь героев очерков). В таких случаях диалектизмы создают недопустимый разноречивый речевых средств, потому что в беседе с журналистами сельские жители стараются говорить на литературном языке. Авторам очерков, можно было написать: ...Надо вовремя позаботиться о животном; ...полы вымоют; иногда просто поужинать зайдут.

Диалектные особенности характерны также и для синтаксического уровня, и для фразеологического, однако они не составляют предмет изучения лексической системы языка. Диалектизмы выполняют стилиобразующую функцию в поэтическом дискурсе С.Есенина.

Сложная и интересная судьба поэта, множество путешествий, смена мест и образа жизни в сочетании с творческим подходом к осмыслению действительности обусловили богатство и разнообразие тем и мотивов лирики Есенина. Детство и юность его прошли в селе Константиново, на берегу Оки, в крестьянской семье; основной темой ранней лирики Есенина "закономерно становится описание природы, родных картин, пейзажей, проникнутых теплотой, близких с детства, знакомых, любимых. При этом многие явления природы поэт олицетворяет, видит в них живое, разумное начало, приписывает растениям качества животных.

Переезд в Москву, скандальная жизнь, несколько наигранное поведение, эпатаж обусловили расхождение, двойственность тем-Есенина: с одной стороны, именно эпатажная лирика ("Я нарочно иду нечесаный..."), с другой — воспоминания о родном селе, жизни в нем как о самом светлом периоде. Тема Родины получает развитие в стихотворениях "Письмо матери", "Русь советская", "Русь уходящая", "Возвращение на Родину". Революционные преобразования, произошедшие в деревне, поэт воспринимает с долей трагизма; ведь ушедшие времена невозвратимы,

невозвратима и светлая, беззаботная жизнь; Есенин чувствует утрату связи с родным краем, где теперь “поют агитки Бедного Демьяна”:

Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец (с. 295).

Последние стихотворения поэта опять же трагичны, в них звучит мотив неразделенной, несчастной, безответной любви.

Любовь — это одно из необходимых условий человеческого счастья, и понимание человеком сущности счастья обычно с возрастом изменяется, так же как и понимание любви.

Поэтика С.Есенина отличается самобытностью. Большое место в творчестве Есенина занимают эпитеты, сравнения, повторы, метафоры. Они используются как средство живописи, передают многообразие оттенков природы, богатство ее красок, внешние портретные черты героев ("черемуха душистая", "рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани", "во мгле сырой месяц, словно желтый ворон, вьется над землей"). Немаловажную роль в поэзии Есенина, как и в народных песнях, играют повторы. Они используются для передачи душевного состояния человека, для создания ритмического рисунка. Есенин употребляет повторы с перестановкой слов.

Также, подобно большинству поэтов его эпохи С. А. Есенин был новатором в области формы, и лексика его отличается большим многообразием. Это обширные группы слов - диалектизмы, неологизмы, историзмы, отчасти архаизмы. Чаще всего поэт прибегает к неологизмам:

1) ради усиления фонетической выразительности текста, например создание или усиление аллитерации («гарк», сущ.; «среброзвонный»);

2) ради стяжения описательного выражения – путем приставочного словообразования («безвлажный» - лишенный влаги, «безгладь» - отсутствие глади) или контаминации двух слов («буйница» - буйная вольница, «влакать» - втянуть лакая);

3) ради замены близкого по значению, но не подходящего по стилистической окраски слова («голосатый» вместо «голосистый», «голубень» вместо «голубизна»);

4) ради создания ассоциативных значений («звень» ср. «звон», «стозвон» ср. «стон»);

5) ради стилизации (придать ч-н. признаки, черты к-н. стиля, имитировать черты к-н эпохи, жизни народа, жанра) обычно фольклорную речь («вбряк», «выцветень»).

Есенин – русская художественная идея, самый читаемый в России и при этом отнюдь не общедоступный поэт. Его стихи даже таким искушённым ценителям, как профессиональные литераторы и лингвисты, до сих пор представляются явлением загадочным. Он явился из глубины России, оттуда, где с незапамятных мифологических времён бил, как писал Гоголь, «в груди народа» самородный фольклорный ключ. Есенин глубоко знал жизнь крестьянской России, был кровно связан с жизнью русского крестьянства – всё это способствовало тому, что он смог стать истинно народным, национальным поэтом и в ярких произведениях сказать своё правдивое поэтическое слово о главных событиях своей эпохи. Это единственный среди великих русских лириков поэт, в творчестве которого невозможно выделить стихи о Родине в особый раздел, потому что всё, написанное им, продиктовано, пронизано «чувством родины». Это не тютчевская «вера», не лермонтовская «странная любовь», не страсть-ненависть Блока. Это само «чувство родины».

В результате проведённого анализа использования диалектной лексики в произведениях С.А. Есенина мы пришли к следующим выводам. Диалектная лексика – наиболее распространённое средство создания национального или – убоже – местного колорита в традициях русской литературы. Певец «страны берёзового ситца», хорошо знавший народный язык, часто использовал его как в стихотворных, так и прозаических

произведениях, поскольку именно местная, диалектная лексика в ряде случаев способна передать самые задушевные интонации, в том числе и «нежность грустную русской души». Факт употребления С.А. Есениным данного пласта лексики можно рассматривать как проявление творческого художественного подхода к организации композиционно-речевой структуры текста. В таком подходе проявляется ориентация автора на отбор средств общенародного языка, отношение к народу как к носителю духовных ценностей русской культуры, закрепившему в языке многовековой опыт, наблюдательность, образное освоение действительности.

Итак, на примере произведений С.А. Есенина было показано многообразие использования диалектной лексики в художественной литературе. Были даны толкования ряда диалектизмов, прояснены некоторые «тёмные места» в лирике. В работе раскрыта роль диалектизмов конкретно в творчестве Есенина и в целом в художественной речи. Задачи, стоящие перед нами в начале работы выполнены. Изучение данной темы в очередной раз показало, насколько глубок, неисчерпаем и богат русский язык и насколько искусно, умело пользовались им великие писатели и поэты русской литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Труды Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова

1. Каримов И.А. Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана. – Ташкент, 2009.
2. Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране: Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Ташкент: Узбекистан, 2010.
3. Каримов И.А. По пути преодоления мирового кризиса, модернизации страны и достижения уровня развитых государств. – Т.: Узбекистан, 2010
4. Каримов И.А. Высокая духовность – нестигаемая сила. Ташкент, 2008.
5. Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Т.: Узбекистан, 2011. – 383 с.
6. Каримов И. А. Все наши планы и программы служат во имя развития Родины, благосостояния народа. - Газета «Халк сузи». – 2011. - 22 января.
7. Каримов И.А. Дальнейшее углубление демократических реформ и формирование гражданского общества – основной критерий развития нашего общества. – Т.: Узбекистан, 2011.

Список источников исследования

1. Баранов М.Т. Русский язык: Справ. материалы: Учебное пособие для учащихся/ М.Т. Баранов, Т.А. Костяева, А.В. Прудникова; Под ред. Н.М. Шанского. – 5-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.

2. Власенков А.И. Русский язык: грамматика. Текст. Стили речи: учеб. для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений / А. И. Власенков, Л.М. Рыбченкова. – 12-изд. – М.: Просвещение, 2006. – 350 с.
3. Греков В.Ф. Пособие для занятий по русскому языку в старших классах / В.Ф. Греков, С.Е. Крючков, Л.А. Чешко. – 44-е изд. – М.: Просвещение, 2004. – 286 с.
4. Есенин С.А. Сочинения / Сост., Вступ. статья и коммент. А. Козловского. – М.: Худож. лит., 1988. – 703 с.
5. Есенин С.А. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья и сост. Ю.Л. Прокушева. – М.: Моск. рабочий, 1981. – 384 с.
6. Жбанова Т.С. Межвузовский сборник научных трудов / Статья «Диалектные формы в системе образных средств в стихах Сергея Есенина». – Рязань: Государственный педагогический институт, 1986.
7. Земский А.М. Русский язык. В 2-х ч. Ч. 1. Лексикология, стилистика и культура речи, фонетика, морфология: Учеб для учащихся пед. уч-щ / А.М. Земский, С.Е.Крючков, М.В. Светлаев; Под ред. В.В. Виноградова. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1986. – 304 с.
8. Калинин П.Ю. Петров А.М. Стилистика русского языка. – [http: www. hi-edu. ru / xbook028 / 01 / part – 009. htm](http://www.hi-edu.ru/xbook028/01/part-009.htm)
9. Лещенко А.М., Опадчий Е.В. Лексика русского языка с точки зрения её социально-диалектного состава. – [http: www. lingvotech. com. / dialect](http://www.lingvotech.com/dialect).
10. Русский язык в школе. – М., 1995. - № 5. - 1-128.
11. Русский язык. Справочник школьника / Сост. О.В. Галаева; Под ред. В.В. Славкина. – М.: Филолог. об-во «Слово», Компания «Ключ-С». АСТ. Центр гуманитарных наук при факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 512 с.
12. Есенин С. Проза. Статьи и заметки. В 5-ти ч. Ч. 4 / Вступ. статья А.М. Марченко. – М.: Худож. лит., 1967. – 324 с.

13. Есенин С. Собрание сочинений. В 5-ти ч. Ч. 5 / Вступ. ст. Е.А. Динерштейна, В.Ф. Земскова. – М.: Худож. лит., 1968. – 373 с.
14. Есенин С. Стихотворения. Поэмы. В 5-ти ч. Ч. 3 / Вступ. ст. А.Б. Тимофеева. – М.: Худож. лит., 1966. – 316 с.
15. Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1977.
16. Занковская, Л.В. Характерные черты стиля Сергея Есенина // Литература в школе. – 2004. - №1, - с. 18-22
17. Иванов, Г. Есенин // Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, очерки, рецензии, статьи: В 2т / Вступ.ст., сост., коммент. Н.И. Шубниковой – Гусевой. – М., 1993. – Т 1.
18. Трунин, А.В. – «Я растил себя поэтом». Из творческой биографии С. Есенина // Литература в школе. – 1998. - №7. – с. 123-125
19. Шубникова-Гусева, Н.И. «Пришел в этот мир поэт...» // Литература в школе. – 2005. - №11. – с.8-14
20. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык.- М., 2005.
21. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М., 2003.